

ДЕТКИ С ОРУЖИЕМ

СЕРГЕЙ РУСИНОВ

Сергей Николаевич Русинов

Детки с оружием

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69919591

SelfPub; 2023

Аннотация

Мрачный суровый мир, где при разгуле преступности вершат правосудие дети подростки – чрезвычайные комиссары. Они ловят взрослых преступников и лично выносят приговор. Дети честны и преданы своему делу. Павел – подросток, чрезвычайный комиссар, лучший на службе Закона. По нелепой случайности, совершенно несправедливо, оказался вне закона и за ним начинают охоту бывшие друзья и сослуживцы. Чтобы выжить, Павел вынужден стать преступником. Чтобы жить без страха за свою жизнь, Павел начинает борьбу со сложившейся системой.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	14
3	20
4	29
5	38
6	41
7	44
8	49
9	56
10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Русинов

Детки с оружием

Часть первая

1

– Виновен – сухим голосом сказал тщедушный худой подросток, мальчишка, в черной форменной куртке.

– Нет! Нет. Это не я!!!

Мужчина яростно начал сопротивляться, извиваясь всем телом, но ничего не мог поделать против крупных тренированных жандармов, заломивших ему руки и тащивших в кабину зарешеченного автохода для арестантов.

В любом другом человеческом обществе эта картина была бы дикой для цивилизованного человека, но не для планеты Вруга. Двое крупных, вооруженных жандармов скрутили кричащего мужчину. Их окружили другие жандармы, обвешанные оружием. Рядом на земле два кажущиеся безжизненными человеческих тела. Случайные прохожие поглядывают на картину с вялым интересом и идут дальше по своим делам. Даже ненаблюдательный человек бы понял, возглавляет весь этот процесс тщедушный подросток в строгой чер-

ной форме, спокойно смотрящий на арестованного.

У жандармов выражения лиц азартные, некоторые улыбаются – они работают и готовы применить своим спецсредства – парализаторы. Но нет команды. У арестованного на лице отчаяние. Он знает, что его сейчас ждет, сознание не может это принять. Это не может происходить с ним. С кем угодно – но только не с ним. И только у подростка в строгой черной форме лицо спокойное, взгляд оценивающий. Глаза выдают незаурядный ум.

– Нет! – истерично взвизгнул сорвавшимся голосом мужчина. Один из жандармов утихомирил арестованного, с шумом ударив ладонью по голове.

Павел прищурил глаза, делая вид, что презирает преступника. На самом деле его охватила жалость. Хотя именно он несколько минут назад обвинил мужчину виновным и велел поместить под стражу. Завтра будет пять лет, как Павел состоит на должности чрезвычайного комиссара по преступности. Завтра ему исполняется 16 лет. Откуда вдруг взялась жалость? Ведь раньше он за собой такого не замечал никогда. Любой преступник виновен и должен быть наказан. Это закон. Мужчину уличили в покупке продуктов питания у нелегальных продавцов. Павел покосился в сторону. Нелегальные продавцы лежат тут же, рядом. Парализованные. Продавцы были пойманы вместе с мужчиной, и приговор им был вынесен моментально – паралич и последующая разборка на органы. Павел – чрезвычайный комиссар.

Он вправе вершить правосудие на месте. И никогда он не испытывал жалости. Но что-то в последнее время идет не так.

Мужчина снова закричал:

– У меня дочь больна! Ей нужен бульон для поправки!

Она не может выздороветь на одной каше из плюща!

Неожиданно для самого себя Павел поднял вверх руку:

– Стойте – сказал жандармам.

Те с удивлением замерли. Павел обратился к арестованному:

– Чем больна твоя дочь?

Мужчина, почувствовав надежду, затараторил:

– Я не врач! Что-то серьезное! Её лихорадило. Кашель, сопли, встать не может. Врачей нет. Лекарств тоже нет. Её нужно нормальное питание!

– Сколько ей лет? – Павел спросил у задержанного, и при этом строго посмотрел на жандармов, чтобы не посмели подумать о его внезапно появившейся жалости.

– Четырнадцать! – вскрикнул мужчина.

Павел задумался. Он уже остановил свой же приговор, и надо что-то делать. Если он оставит приговор прежним, ему опять весь день будет муторно. Он поднял вверх руку, объявляя новое решение.

– Учитывая обстоятельства, чрезвычайный комиссариат объявляет о помиловании – опустил руку и строго посмотрел на мужчину.

Сразу, как только было объявлено помилование, жандар-

мы отпустили мужчину из цепкого захвата и он упал на колени в дорожную пыль. Жалко уставился на Павла.

– Ты мне не врешь про дочь? – Павел постарался, чтобы его голос прозвучал страшно. Вроде получилось. Мужчина так отчаянно замотал головой, что мог бы вывернуть шею.

Павел посмотрел на жандармов и снова на мужчину.

– Будешь еще покупать на чёрном рынке!

– Нет.нет.нет!!! – затараторил мужчина.

Павел обратился к старшему Жандарму:

– Крест.

Жандарм встал по стройке смирно, готовясь выслушать приказ:

– Проводи помилованного до дома. Проверь, не врет ли он про больную дочь. Если все правда, оставь им аптечку. Если ложь – даю тебе право именем чрезвычайного комиссариата расстрелять преступника на месте.

– Слушаюсь – ответил Крест и рывком поднял мужчину на ноги, легонько толкнул – Вперед, веди.

Мужчина послушно пошел.

– Эй! – остановил Павел.

Помилованный чуть ли не упал, но его вовремя подхватил за локоть Крест.

– Продукты забери – Павел легонько ткнул ногой валяющуюся на земле в пыли сумку с только что нелегально купленным товаром.

Помилованный замахал руками, пытаясь отказаться от

злополучной сумки, из-за которой чуть ли не был превращен в живой труп.

Один из жандармов наклонился, взял сумку и отдал мужчине. Тот крепко в неё вцепился.

Павел вдруг спохватился. Он только что отправил в гетто для нищих всего одного жандарма. Это непростительно для него, ведь он чрезвычайный комиссар и профессионал. Посмотрел на жандарма, который только что поднимал сумку:

– Олегович. Прикрой Креста.

– Слушаюсь – по-военному четко ответил жандарм.

Крест снова подтолкнул помилованного. Мужчина за-
травлено оглянулся и посмотрел на Павла.

– Спасибо тебе, комиссар, большое – и пошагал дальше, сопровождаемый жандармами.

От этого простецкого «спасибо» стало немного легко на душе. Как будто удалось избавиться от какой-то опухоли. Вот уже больше месяца Павел чувствует, что ему почему-то очень тяжело. Он посмотрел на часы. Дежурство заканчивается. Через полчаса он должен быть на тренировке. Потом сон, потом ночное дежурство. Кивнул жандармам.

– Пора закругляться.

Бойцы выстроились в походный уличный строй. У каждого жандарма в строю своя задача. И главная задача каждого – охрана чрезвычайного комиссара. Им предстоит пройти через рынок. Здесь каждый человек их ненавидит, особен-

но таких как Павел. Но надо быть душевнобольным, чтобы в открытую совершить нападение. Однако, фанатиков всегда хватает.

Павел задумчиво прикоснулся к пистолету. Почесал обоймы на кобуре с дротиками на поясе. Одна обойма с огнестрельными патронами. Вторая обойма с дротиками-парализаторами. От попадания такого дротика человек на двое суток лишается сознания. Есть третья обойма – для особо тяжких преступников. Дротик с ядом, который тоже парализует, но преступник не теряет сознания. Он не может двигаться, но все видит и все чувствует. А приговор даже не за особо тяжкие преступления чаще всего один – организм преступника разбирается на органы. Особо тяжкие преступники во время исполнения приговора все чувствуют. Как правило, до конца «разборки» своего тела они не доживают. Сначала сходят с ума, только потом умирают. Павел прикоснулся к обойме с ядом для особо тяжких. Он уже больше года эту обойму не достаёт из кобуры. А когда-то, когда был только назначен комиссаром, использовал только её. У жандармов оружие более мощное. И у каждого имеются парализаторы, тоже, как и у Павла, с разными режимами. Только у жандармов парализаторы плазменные. Свои парализаторы жандармы имеют право использовать только по приказу чрезвычайного комиссара после вынесения им приговора. Паралич для особо тяжких жандармы в команде Павла, как и он сам, тоже давно не использовали. Не было такого приговора. Хотя за

всё это время Павлу попадались преступники, которым другие комиссары выносят страшный приговор не раздумывая.

У паралича с сохранением чувств есть один нюанс. После заморозки у преступника есть один час, за это время врачи могут его разморозить и вернуть к нормальной жизни. Если этого не происходит, преступник остается парализованным навечно, а чувствительность его сохраняется. Он все видит, понимает, различает запахи, слышит, и самое страшное – ощущает свое тело, в том числе боль. Но двигать может только зрачками в глазах.

Стороннему человеку могло бы показаться, что Павел погружен в свои мысли. Но он профессионально, боковым зрением, на ходу замечает все небольшие нарушения вокруг себя. Ещё бы, он же на рынке. Здесь всегда полно преступников. Ведь это место, где люди всегда с деньгами. А где деньги – там всегда есть другие люди, пытающиеся деньги изъять у других.

Если совсем закрутить все гайки и заставить всех на рынке работать по правилам, то рынок просто умрет в легальном месте и уйдет в закрытое подполье, где его вообще невозможно будет контролировать. Поэтому пять лет назад Павла и назначили курировать рынки. Он, как все чрезвычайные комиссары, верит в Закон и предан делу. Но он обладает гибким мышлением. Он способен выделить главное, гнуть основную линию, и делать вид, что не предаёт значения мелочам. Но он всегда все видит и знает, и в нужный момент со-

бирает все собранные мелочи и наносит удар, если, конечно, в этом есть необходимость. У Павла сложные объекты – рынки. Нужно одновременно и следить за соблюдением Закона, и одновременно делать так, чтобы рынки работали, снабжая население необходимыми товарами. Большинство чрезвычайных комиссаров, курирующих рынки, в итоге сами становятся преступниками. В этом нет ничего удивительного. Вокруг всегда полно денег, товаров, в том числе запретных, поэтому самых сладких. И ещё вокруг всегда полно продажных людей. Павел сам арестовывал уже десять сверстников, своих бывших коллег.

Павел вдруг свернул между рядов в ряд прилавков. Сопровождающие жандармы последовали за ним, словно все так и должно было быть. Павел сохранил холодное лицо, но внутри улыбнулся. Заметил – среди продавцов и посетителей рынка впереди него поднялся переполох, который паникующие пытаются скрыть. Он и так знает обо всех нарушениях, но задерживать именно сейчас никого не станет, если, конечно, кто-то вдруг не наберется смелости и не занাগлеет. Все нарушители, о которых он знает – под колпаком. И когда надо раскрыть преступление, все эти нарушители начинают тесно сотрудничать с комиссаром. Лишь бы самим не попасть под следствие. Деньгами, материальными благами с чрезвычайным комиссаром, всегда подростком, договориться невозможно. Только подчинением и сотрудничеством.

Пора закругляться – решил Павел. Он уже навел достаточ-

но шороха в этом месте. Чрезвычайный комиссар с конвоем повернул к ждущим их у входа патрульным автоходам. Жандармы Крест и Олегович уже вернулись и поджидают остальных. Павел с вопросом во взгляде посмотрел на Креста. Тот вытянулся по стойке смирно и доложил:

– Подозреваемый не соврал. У него действительно есть дочь, и она больна. Оставил им аптечку. Только дочь, видимо, ещё и головой больна. Думала, мы пришли арестовывать всю семейку, и плюнула в Олеговича.

Павел посмотрел на второго жандарма, тот смущено кивнул, подтверждая слова Креста.

У Павла в голове сразу всплыли инструкции Закона на этот счет. Неуважительное, оскорбительное отношение к представителю власти. Приговор – незамедлительная заморозка параличом. Но жандармы никогда не отличались сообразительностью и тем более инициативностью. Эти двое получили четкие инструкции: проводить, проверить, оставить аптечку...или заморозить всех на месте Эти двое поступили как было приказано, ни шагу влево ни шагу вправо. Убедились в болезни девочки – выдали аптечку. Жандармы – это программируемое оружие комиссаров. Мощные, постоянно тренирующиеся машины для убийства. Приказы им нужно давать четкие, короткие и максимально простые. Знать пункты Законы – дело комиссара. Принуждать к выполнению и Закона и наказывать за его нарушения – дело жандармов, но только по приказу комиссара.

Павел кивнул, вслух произнес:

– Молодцы.

Оба встали на вытяжку, принимая благодарность. Жан-дармов необходимо хвалить при выполнении ими задач. Иногда Павлу кажется в похвале комиссара весь смысл существования бойцов. У них сразу загораются глаза и появляется румянец.

2

Прибыв в Центр, Павел передал отчет дежурному. Ничего выдающегося. Пять парализованных преступников, три преступника доставлены в незамороженном состоянии. Правда в отчете Павла есть одно отличие, выделяющееся из остальных таких же комиссарских документов – помилование.

По традиции, Павел распрощался с каждым жандармом из своей команды и отправил их отдыхать. Сам он снял черную форму, надел такую же по фасону, только легкую и белую. Форма говорит всем окружающим – чрезвычайный комиссар всегда готов к работе, к поиску преступников и к вынесению приговоров на месте. Как всегда, он прошел в учебный класс. Первая лекция посвящена окружающей обстановке, касающейся работы комиссаров и жизни на планете Вруга. Вторая лекция обязательному штудированию пунктов Устава и Закона, которые и так на зубок знают все комиссары. Третья лекция – математика, предмет, который держит мозговую деятельность в тонусе.

После теоретических занятий Павел прошел в тренажерный зал. Здесь все комиссары, такие же подростки как и он, могут наконец-то расслабиться, и в перерывах между спортивными подходами пообщаться друг с другом.

– Пашка! Ты говорят отличился!

Павел оглянулся и впервые за день улыбнулся. Улыбка

сразу украсила его вечно кажущееся угрюмым лицом.

– Анка пришла – Павел сильнее раздвинул губы в приветственной улыбке.

Анна улыбнулась ему в ответ. Коротко стриженная блондинка альбиноска, ровесница Павла и как все здесь – тоже необычайный комиссар. Худая, но очень подвижная, с большими серыми глазами, потная от тренировок. Она тоже, как и Павел, улыбнулась сегодня в первый раз.

– Как дежурство? – спросила Анна.

Павел, продолжая улыбаться, неопределенно пожал плечами:

– Как обычно. Ничего особенного.

– Как ничего особенного? – Анна сделала удивленное лицо – Ты сегодня вынес ПОМИЛОВАНИЕ, да ещё и после вынесения приговора – девочка выделила слово «помилование» интонацией.

– Что тут такого? – Павел опять пожал плечами. Он не понимал почему, но всегда смущается рядом с этой девчонкой. Хотя только её одну, пожалуй, мог бы назвать своим другом. И ещё, рядом с ней у него появлялось ещё какое-то чувство. Какое-то томление в организме.

Анна хлопнула его по плечу:

– Ничего себе что тут такого! – Анна сделала ещё больше свои и без того большие глаза – Это же ПОМИЛОВАНИЕ – опять выделила интонацией слово.

Павлу стало словно стыдно, он развел руками, чувствуя,

как краснеет и начал оправдываться:

– Анна, ты так говоришь, словно такого действия нет в Законе. Появились сомнения, провел проверку, сомнения подтвердились, задержанный в результате проверки был помилован. Что тут такого?

– Ты же на рынке был! Там нет невиновных! Ты лучше всех это знаешь, ведь ты ответственный за рынки!

Павел сузил глаза:

– На рынок ходят все граждане, даже мы, комиссары.

– Но мы-то другое дело... – начала Анна, но Павел её перебил:

– Мы комиссары выносим решения. Если человек невиновен, его нет смысла арестовывать и тем более парализовать. Ведь тогда нет смысла в Законе.

Анна пугливо оглянулась, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь.

– Ты слышал, чтобы кто-то из твоих знакомых, начинал проверку арестованного? Ты его поймал на преступлении вообще-то.

Павел нахмурился. Пора переводить разговор на другую тему:

– Ты не из спецотдела. Ты такой же комиссар. Твой объект – гетто нищих, вообще-то.

– И что? – теперь Анна развела руками – Комиссар работает везде и всегда, даже во сне.

– А ты попробуй разобраться хоть раз хоть с одним несе-

рзным нарушителем, почему он что-то нарушил?

– Зачем? – Анна удивилась. От этой несвойственной комиссарам эмоции её лицо стало совсем детским.

– А затем, чтобы граждане нас не боялись, а сотрудничали.

– С нами и так сотрудничают – девочка махнула тонкой рукой.

– Я имею в виду не завербованных, а всех граждан в целом – Павел описал ладонью круг.

– Да ну тебя – Анна снова заулыбалась – Добрый ты, Пашка.

– Как и все комиссары. Ты разве не добрая?

Анна хмыкнула:

– Я – сама доброта. Разве нет?

– Конечно да. Расскажи лучше, как твое дежурство прошло?

– Ааа – махнула рукой – Все как всегда. Сегодня только одна перестрелка. Наркоманы забаррикадировались в бараче и отстреливались. Пришлось одного ликвидировать, остальных заморозили.

Объекты курирования Анны – гетто бедняков. Настоящих оборванцев, живущих где попало. У Павла на рынке сложнее в плане интеллектуальной работы. На рынках преступники, как правило, аферисты, придумывающие сложные схемы. Воры, таскающие продукты и давно научившиеся работать скрытно. За оружие на рынке сразу не хватаются. Но

бедняцкие гетто – заповедник самых отъявленных преступников. Маньяки, бандиты, залегшие на дно мерзавцы и толпа просто живущих там людей, искренне ненавидящая чрезвычайных комиссаров. Павел на рынке дежурит в обычной форме. Анна на рынке дежурит запакованная в броню, и оружие у неё серьезнее чем у Павла. В арсенале у жандармов девочки имеются, в том числе гранаты, ракеты и другая взрывчатка, способная при необходимости снести дом. Павел с самого начала разговора заметил на руке и на щеке девочки свежие царапины – наверняка следы недавней перестрелки. Для преступников, которым нечего терять, комиссар – главная цель в любом уличном бою. Именно среди комиссаров, курирующих гетто, самая высокая смертность от уличных столкновений.

– Осторожнее будь – Павел не ожидал, что скажет это, и сам удивился. Анна тоже удивилась и посмотрела на него. Покрутила головой и снова посмотрела на Павла:

– Поспarringуемся – предложила девочка.

– Борьба – предложил Павел. Спарринг в борьбе ему всегда нравился, хоть он и кажется внешне тщедушным, тренеры считают его мастером в этом единоборстве. Но Анне он предложил борьбу с другой целью – во время борьбы можно невзначай пообниматься.

– Не – Анна качнула головой – Отработаем удары ногой, неполный контакт.

Павел чуть скривился, но согласился, кивнул. В ударах

ногой с Анной трудно соперничать. Она сама легкая и ей доступны самые сложные прыжки. А ноги у неё длинные, удары ногами хлесткие и резкие. В бою ногами среди сверстников у Анны нет соперников.

Юная девушка не стала ждать. Сразу незаметным для Павла резким движением нанесла удар ногой. Её босая ступня резко остановилась в ударе, упершись Павлу в лицо. Анна улыбнулась:

– Один-ноль в мою пользу. Защищайся.

Отвела ногу и сразу, нанесла такой же удар, только другой ногой, точно так же воткнув босую ступню прямо ему в лицо.

– Пашка, я тебе уже два раза могла голову отбить. Сопrotивляйся! – отвела ножку.

Павлу ничего не оставалось, как начать спарринг с девушкой.

После спарринга, взмокшие от пота друзья прошли в учебный полигон, тренироваться в стрельбе.

Павел отрешено уставился в черное от многолетней грязи окно, сидя на лавке в забитой мусором бытовке. Жандармы расположились снаружи. Сквозь тонкие картонные стены слышно, как они смеясь переговариваются, но не теряя бдительности следят за окружающей обстановкой. Ночью рынок не закрывается, продолжает жить своей веселой ярмарочной жизнью. Вот только товары ночью другие, и покупатели ночью приходят не за обычными товарами. Ночью рынки превращаются в большие притоны: алкоголь, наркотики, проституция, и куча людей, ищущих веселья в вертепе. Конечно, без денег на рынке ночью, как и днем, делать нечего. И конечно, там где люди с деньгами, там есть другие люди, которые желают как можно быстрее перенаправить деньги в свой карман. Если бы не чрезвычайные комиссары, кровь бы лилась здесь широкой рекой.

Павел скучающе зевнул. Ночью его на рынке ненавидят ещё больше чем днем. Ненавидят все без исключения. Ненавидят все посетители, ведь он не дает им повеселиться на всю катушку. И, естественно, ненавидят преступники. Это ночное дежурство не отличается от прошлого. Пока было пресечение нескольких массовых драк. Павел не считал нужным сурово наказывать участников этого нарушения. Все получили свою болезненную порцию излучателя, вызываю-

щего судороги по всему телу, и отбивающую желание продолжать веселиться. Задержаны пара жуликов, промышляющих сбытом ворованного. Они уже заморожены и лежат сложенные в патрульном автоходе.

Сейчас Павел скучает. На этом рынке в последний раз Павел дежурил чуть больше года назад. В основном здесь мало что изменилось. Это если верить оперативным сводкам. Но есть сводки, которые в официальных рапортах указывать нельзя. Ему нужно получить информацию от осведомителя, касающуюся как раз неоперативной сводки. Напрямую никакой комиссар со своим стукачом встретиться не может. За каждым комиссаром со всех сторон наблюдают. Каждый, на кого комиссар просто посмотрит в толпе, попадает под подозрение в стукачестве. Поэтому агентура чрезвычайных комиссаров имеет сложную, глубоко законспирированную структуру. Непосредственно самого стукача часто вербует сам комиссар при задержании и дальнейшем допросе. Предлагает сделку – жизнь в обмен на сотрудничество. Так пополняются агенты в среде мелких и средних уголовников и среди обычных граждан. Иногда осведомителей вербуют в обмен на скрытую защиту. Так агентов вербуют среди крупных бандитов – вожаков группировок, немало таких завербованных агентов среди торговцев. В обмен на нужную информацию, комиссары просто устраняют конкурентов и врагов своей агентуры. Предлог для устранения в этой фауне найти не сложно. Правда надежность таких агентов часто

желает лучшего. У них цель сотрудничества с комиссарами – устранение конкурентов, приобретение личного могущества и деньги.

Особая категория комиссарских осведомителей – это агенты под прикрытием. Как правило, это люди, прошедшие спецподготовку и что важнее – заикленные на идее. Попросту говоря – фанатики. Эти агенты ценятся особо дорого. О них никто не должен знать, кроме комиссара и его Куратора. Сведения, добытые такими агентами, часто на вес золота. Копают агенты под прикрытием под всех, невзирая на влияние и могущество подозреваемого.

Сложный этап работы с агентурой – это передача информации от агента непосредственно к комиссару. Именно на этом этапе агент имеет наибольший риск быть разоблаченным и, как правило, убитым. Личные встречи исключены. Средства спецсвязи доступны только зажиточным людям, а большинство агентов, в том числе под прикрытием, внедрены к беднякам. Для передачи информации есть сеть агентов, которые конкретно поиском информации не занимаются. Их задача – получить информацию в одном месте, передать в другое. Имеется сложная система передачи записок с шифром.

Именно сейчас Павел занят ожиданием получения одной очень важной записки и комиссар отчаянно скучает. Скуку прервал истошный крик боли, раздавшийся откуда-то с улицы. Скука сразу слетела. Вокруг комиссара на дежурстве

всегда сохраняется пусть небольшой, но спокойный круг законопорядка. Такой крик совершенно точно часть какого-то преступления, причем совсем рядом. А это уже наглость, прямой вызов прямо в лицо ему. Павел вскочил и моментально выскочил из бытовки. Посмотрел на замолчавших жандармов. Олегович безошибочно указал источник звука. Павел махнул рукой, отдавая беззвучный приказ, и команда рванула вперед. Место, откуда раздался крик, Павел определил сразу и не удивился. Злачное место, двухэтажное здание с яркой вывеской «Дружок». На первом этаже кабак, на втором этаже бордель. По некоторой информации здесь иногда устраивают нелегальные азартные игры. Все это всплыло в памяти моментально. Вспомнил кого и когда здесь уже задерживал, кому принадлежит притон «Дружок» и кто тут любил бывать год назад, когда Павел здесь дежурил в последний раз. Часть жандармов оцепили здание. Павел с Крестом и Олеговичем остались в оцеплении. Остальные пошли на штурм. Первый этаж. Посетители, протрезвев при виде Павла, застыли на месте, пытаясь ни одним движением не привлечь к себе внимание. Снова раздался страшный крик и прервался хрипом. Павел рванул на второй этаж. Перед ним стали разбегаться полуодетые, перепуганные «работницы». Автоматически Павел заметил, некоторые здесь новенькие, совсем молодые. Но сейчас его интересует недавний крик. Один из жандармов безошибочно подскочил к одной из дверей коридора и выбил её. Направил внутрь оружие. Снова

раздался крик, на этот раз приглушенный. Теперь спешить некуда. Павел, прикрываемый жандармами, подошел к двери. От увиденного даже его, уже бывалого комиссара, замутило.

На полу весь в крови исполосованный труп женщины. На кресле рядом с трупом жирный волосатый мужчина. Из-за тучности могло бы показаться, что это зрелый мужик, но Павел заметил – преступник молодой, на вид лет двадцать. Рядом с трупом женщины девочка. Из-за неё-то Павлу сначала и стало плохо. Ему показалось, что она мертва. Вся залита кровью. Но нет, девочка к счастью жива. Она-то и кричала. По чертам лица убитой и девочки Павел догадался, что убитая, скорее всего старшая сестра девочки. Не может она быть матерью, слишком молодая, но на планете Вруга все возможно. Павел посмотрел на преступника. Удивился его спокойствию. Глаза пьяные, но заметно – преступник в ясном сознании.

– Виновен – Павел вынес приговор. Осталось выбрать меру наказания.

– погоди, комиссар – голос преступника ровный, властный – У меня допуск – мужчина повернулся к спинке кресла, на котором сидел. Достал из висевшего на спинке пиджака квадратную корочку и бросил Павлу таким движением, словно тот обязан эту корочку поймать на лету. Причем не просто поймать, а ещё поцеловать и сразу упасть перед преступником на колени. Корочка ударилась об его грудь и упа-

ла на пол. Павел на неё даже не посмотрел. Он смотрел на мужчину. Сказал, четко выговаривая слова.

– Приговор – вечный паралич.

Павел даже не мигнул. Выхватил пистолет, вставил дротик с нужным ядом и выстрелил парализатором. Преступник успел только вскрикнуть от ужаса. У Павла сложилось впечатление, что преступник такого никак не ожидал. Что-то было в той корочке такое, что позволяло ему чувствовать себя безнаказанным. В глазах парализованного преступника ужас. Видно, он пытается пошевелиться, но ничего не может сделать. Не может даже закрыть веки. Павел вынес самый суровый приговор. Так называемый «вечный паралич». Преступник после внесения яда в организм полностью парализован, но не теряет сознания. Он все видит, слышит и чувствует, но не может говорить. Паралич назван «вечным», потому что после удара медицина неспособна вернуть человеку способность двигаться. Приговоренный остается парализованным до конца своей жизни. У парализованного есть только один шанс – введение антидота в первые минуты паралича.

Павел наклонился за валяющейся на полу корочкой. В нем проснулся интерес. Что там такое могло быть? Сунул корочку в карман. Не стоит показывать свою заинтересованность перед подчиненными. Его все ещё мутит от всего, что здесь было. Он дал незримую команду жандармам, и они пошли наружу. Двое поволокли задержанного за ноги по полу.

На улице Олегович надел на парализованного преступника мешок и закинул недвижимое тело себе на плечо. Все посетители и работники молча проводили комиссара взглядами. Павел за время своей службы повидал немало таких глаз. Обычно в них была ненависть. Но не сейчас, и это его удивило. Он увидел в глазах одобрение, и даже уважение. Рука сама по себе дернулась к лежащей в кармане корочке. Что-то в ней есть такое, что раскроет тайну таких взглядов. Но Павел сдержал себя. Всему свое время. Преступник пойман, дальше все по распорядку. Он должен получить информацию от осведомителя. Быстрым шагом он зашел в бытовку. Огляделся. На столе он заметил аккуратно сложенную тряпочку, которой здесь не было. Павел взял тряпочку и разложил ладонями. Внутри оказался скомканный лист бумаги. Павел напряг зрение, в бытовке полумрак. В записке всего несколько слов:

Сегодня в Дружке отдыхает Рол.

Павел посмотрел по сторонам. Какой Рол, и почему из-за какого-то Рола стоило будоражить агентурную сеть, чтобы проинформировать об этом комиссара? Пожал плечами. Он только что вернулся из Дружка. В душе зазвенела тревога. Павел достал из кармана корочку, которую в него бросил только что парализованный преступник. Поднес к глазам и замер. Корочка оказалась ордером на право. Владелец такого ордера может делать все что угодно с кем и с кем угодно. Даже чрезвычайные комиссары не имеют таких полномо-

чий. Комиссары при предъявлении человеком ордера на право обязаны выполнять все приказы того, кто ордером владеет. Павел знал о существовании этого документа, но увидел его в первый раз. Ордер на право может быть выдан на руки только лично Куратором. Ордер на право, который сейчас в руках Павла, выдан лично Ролу Строваночу. Тому самому, который сейчас лежит парализованным в грязном мешке.

– Нет – сказал Павел вслух – Этого не может быть.

Не мог Куратор выдать маньяку ордер на право, не мог. Это какая-то ошибка. Может быть ордер был украден? Может быть ордер просто подделан? Комиссар должен подчиняться и охранять владельца ордера. Так гласит Закон, закон превыше всего. Павел посмотрел на часы. С момента нанесения удара парализатором прошло двадцать минут. Если в течение следующих сорока минут арестованного не доставить в реанимацию, он будет живым трупом вечно. Павел дернулся, но сразу остановил себя. Закон превыше всего, Закон, а не ордер. Этот Рол был задержан с поличным на месте преступления и даже не пытался скрыться. Он был уверен в своем ордере. Он был уверен в своей безнаказанности. Он использовал ордер права для удовлетворения своих извращений. Куратор, наверняка, об этом просто не знает, пока не знает. Павел обо всем напишет в своем докладе. Снова посмотрел на часы. Есть ещё время для реанимации. Только сейчас обратил внимание на фамилию преступника – Строваноч. Никогда такой не слышал. Еслибы был действитель-

но важный человек, Павел о нем бы знал по оперативным сводкам.

Павел опять посмотрел на часы. Есть ещё время для реанимации. Выглянул в окно, сквозь грязное окно виден валяющийся на земле мешок.

– Нет – сказал сам себе и сел на лавку.

– Подъем комиссар! – гаркнул в ухо спящему Павлу дневальный.

Павел вскочил с койки, автоматически посмотрел на настенные часы. Ему до подъема осталось спать ещё три часа. Кто посмел его разбудить! Но сразу погасил свой гнев. Если его разбудили в это время, значит для этого есть весомые причины. Посмотрел на дневального. Тот встал навтыжку. Павел сразу вспомнил его имя – Федоран. Обычный служака из команды, обслуживающей общежития комиссаров и жандармов. Как правило, это люди, которые, из-за своих характеристик не смогли стать жандармами. Кто-то не прошел интеллектуальные тесты, кто-то не подходит по физподготовке и состоянию здоровья. Зато благодаря своей тупой исполнительности, они отличный обслуживающий персонал: дворники, мойщики, кочегары, подсобные рабочие. Но видимо из-за того, что они обслуживают комиссаров и жандармов, самомнение у них о себе чрезвычайно высокое. Как будто они не стирают белье за комиссарами и жандармами, а сами являются и комиссарами и жандармами одновременно. В общежитиях обслуга строго соблюдает субординацию. Но на улице они ведут себя так, словно являются хозяевами жизни. Павел не так давно заметил, в комнатах жандармов они так громко «Подъем!» не кричат. Ещё бы. Жандармы парни го-

рячие – могут врезать. А комиссары должны обладать самодисциплиной, иначе никогда не смогли бы стать комиссарами. Ещё Павел подозревает – обслуга специально так орет на комиссаров во время подъема и во время тревоги. Им нравится, что люди наделенные властью начинают суетиться от их криков.

Павел быстро надел одежду, обулся и вопросительно посмотрел на Федорана. Тот отчеканил:

– Вас вызывают на Совет Кураторов – протянул Павлу пропуск в здание Совета.

Павел кивнул. Придется надевать парадный костюм. Немного поморщился. Парадка – по сравнению с повседневной формой, неудобна. Стоячий воротничок, накладные плечи, затягивающая талия. И куча обязательных значков на груди, отмечающих заслуги чрезвычайного комиссара. У Павла этих значков накопилось столько, что они уже давно не помещаются на мундире. При любом движении они трезвонят. Хотя некоторым его коллегам этот трезвон нравится. И некоторые коллеги с завистью поглядывают на увешанного медалями и значками Павла, когда он в парадном мундире.

Павел тряхнул парадкой. Значки звонко загремели, заставив его снова поморщиться. Но выбора у него нет. Придется надевать это. С некоторым трудом он застегнул пуговицы на талии. Нет, он не потолстел. Он подрос, в последний раз он надевал этот мундир накануне Дня Рождения, когда ему ис-

полнилось пятнадцать лет. В Дни Рождения комиссары обязаны носить эти дурацкие парадные мундиры. Впрочем, парадку им нужно надевать в любой праздник и в любой торжественный день. Явка на Совет Кураторов требует, что комиссар на ней тоже был в парадной форме.

На ходу Павел попытался угадать, какая причина его вызова на Совет? Наверное, как обычно, внесены новые правки в Закон. А может быть случилось страшное – преступником стал кто-то, кто Закон должен охранять. Такое бывало среди жандармов. Иногда такое бывает даже среди чрезвычайных комиссаров. В таких случаях приходится чистить ряды, задерживать тех, с кем когда-то пересекался на учебе и на тренировках. Воспоминания о тренировке вывели в память образ Анны, и Павел улыбнулся. Сегодня вечером они должны встретиться в спортзале. Павлу всегда нравились эти встречи.

К зданию Совета Павел подошел все с той же улыбкой. На входе показал свое удостоверение. Охрана аппаратурой сверила его сетчатку глаз, пропустила внутрь. Внутри здания пришлось пройти ещё несколько постов охраны. Возле Зала Совета Павел обратил внимание, собраны все чрезвычайные комиссары, которые должны быть сейчас на отдыхе. Видимо случилось страшное. Кто-то из числа комиссаров запятнал свой мундир преступлением. Павел нахмурился. Только этого не хватало. Но размышлять на эту тему ему долго не пришлось. Как только охрана у ворот в Зал его заметила, из

Зала раздался гонг, и Ворота раскрылись. Ожидающие комиссары пошли внутрь, подозрительно поглядывая друг на друга. Они как и Павел догадались причину созыва на Совет. Павел стал вертеть головой, разыскивая где здесь Анна? Но не нашел. Заходя в Зал, все комиссары сдавали свое оружие.

Внутри Зала все комиссары встали по своим местам. Каждый знает, где ему стоять, у каждого есть свой номер, есть свой сектор, и свой сосед на каждом таком построении. Все молчат, не слышно ни одного слова. В Совете Куратора не принято болтать. Тут надо слушать, и говорить только тогда, когда это требуется. Павел занял своё место и посмотрел в ту сторону, где должна стоять Анна. Девушка там и тоже смотрит на него. Еле заметно, очень быстро, чтобы это видел только он, Анна улыбнулась и слегка кивнула головой. Павел поступил так же, стараясь чтобы никто, кроме Анны, его движение не заметил. В этом месте надо сохранять торжественность. Переглядывания здесь не к месту. И он и Анна это отлично понимают. Все присутствующие в Зале молчат. Слышны только движения тел, шорох мундиров, звуки шагов, и конечно звон значков и медалей на формах. Все беззвучно замерли, когда в зал вошел Куратор. Стали слышны только его шаги. Куратор прошел к своей трибуне, шурша белой мантией. Когда он занял свое место, по бокам встали жандармы охранения, всегда сопровождающие Куратора. Зазвучал гонг, сигнал, что Совет начался. Присутствующие перестали даже дышать.

Куратор оглядел Зал и произнес:

– Павел Кралин.

Павел вздрогнул, ведь Куратор произнес его имя. Как положено по протоколу, он вышел в центр Зала и встал перед Куратором. На стенах включились экраны с изображением Павла, так, чтобы все присутствующие чрезвычайные комиссары видели его лицо, как будто он стоит перед ними.

– Павел Кралин – повторил Куратор посмотрел на него – Ты разжалован из звания чрезвычайного комиссара.

Эти слова припечатали Павла на месте. В голове зашумело. Как!? Почему?! Но внешне он не выдал своих эмоций. Смотрел отрешенно. Куратор продолжил:

– Ваш собрат – он оглядел присутствующих – Запятнал свой мундир преступлением. Он превысил свои и без того безграничные полномочия. Он решил, будто это он превыше всего, а превыше всего Закон, а не он!. Он решил, что сам вправе придумывать пункты и буквы Закона. Он решил, что может поступать со всеми не так, как гласит Закон, а так, как хочется ему лично. Он решил, что его власть безгранична и он ни за что не отвечает! Он вор, взяточник и насильник!

У Павла потемнело в глазах. Обвинения в воровстве и взяточничестве у комиссаров рынка – это обычное дело. Тем более что комиссарам на рынках приходится покрывать своих агентов. Но Павел в этом отношении абсолютно чист. Но насильник? Он?! Это ошибка. Или клевета...

За спиной у Павла поднялся возмущенный шум. Куратор

поднял вверх руку и комиссары затихли. Сейчас, по протоколу, Павел должен взять слово, сказать нужные вещи в свое оправдание. Потом Куратор решить, начинать ли служебное расследование или вынести вердикт об оправдании. Павел, зная что он ни в чем не виновен, успокоил себя. Сейчас, вот-вот, Куратор должен дать ему слово. Куратор действительно заговорил, глядя на других комиссаров, а не на него.

– Преступления этого отщепенца, нашего позора, доказаны и в праве голоса преступнику отказано. Приговор – вечный паралич

Павла парализовало ещё до объявления приговора, его парализовало при первых словах Куратора. Ему даже не дали возможности защититься? Это какой-то кошмарный сон. Павел уставился на жандармов, стоящих по бокам от Куратора, один из них медленно, очень медленно, начал поднимать свой бластер. Ещё доля секунды и он превратится в живой труп. Но нет. Все существо, вся душа внутри запротестовали. Павел почувствовал ярость. Он понял, почему ему вынесли приговор. Это все из-за того жирного на рынке с Ордером на Право. Того преступника не спасли, не успели, Павел не дал, а сейчас все преступления того урода вешают на него. Ну нет, я не дам!

Павел сам не ожидал от себя такой прыти, он увернулся от луча парализатора. И прыжками, с подскоками, рванул в сторону жандарма. Он сам удивился, все удивились, Куратор от неожиданности раскрыл рот. Жандарм, только что стре-

ляющий в бывшего чрезвычайного комиссара от неожиданности опустил оружие. Ещё никто не оказывал ему сопротивление. Павел ни о чем не думал. Он не должен допустить своей заморозки. Он не преступник! Подскочив к жандарму, так же, ни о чем другом не думая, Павел резким движением нанес жандарму Куратора страшный удар коленом в солнечное сплетение. Огромный жандарм, в два раза крупнее тщедушного подростка, от удара потерял сознание и стал падать. Жандармы Куратора никогда не работали на улице, все их жертвы безропотно стояли в Зале и ждали своего луча. Поведение Павла для всех стало неожиданным.

Павел, все так же не думая, вырвал у падающего жандарма парализатор. Второй жандарм пришел в себя и кинулся на него. У Павла не было времени думать, он поднял оружие и выстрелил. Режим стрельбы не менял. Остался живой паралич. Ничего страшного с этим жандармом не случится, его успеют вылечить, в Совете Куратора есть врачи.

– Мне нужно слово! – крикнул Павел Куратору, в глубине сознания понимая, просить слово уже поздно.

А на месте Куратора уже никого не было. Павел не заметил, Куратор что-то нажал на трибуне и подъемные механизмы под полом унесли его с этого места. Загудел сигнал тревоги. Ворота в Зал раскрылись и внутрь стали забегать вооруженные охранники. Его вчерашние соратники, сверстники, чрезвычайные комиссары, стали действовать так, как велит им долг. Он сам бы поступил точно также пять минут

назад. Они стали осторожно на него надвигаться, не забывая о парализаторе в его руках. И в первых рядах Павел увидел Анну, свою подругу. К глазам подступили слезы. А смог бы он напасть на неё, если бы это её, а его объявили преступников. Павел внезапно ясно понял. Он сам бы пять минут назад безоговорочно бы поверил словам Куратора. Но смог бы он напасть на Анну? Отвечать самому себе на этот вопрос уже нет времени. Два комиссара побежали в атаку, с голыми руками на парализатор. У Павла не было выбора, он выстрелил. Атакующие упали. Павел вскочил на трибуну. Внутренняя часть оказалась усажена рычагами,

кнопками, и непонятными механизмами. У него нет выбора. Свободной рукой Павел начал нажимать все кнопки и дергать рычаги. В Зале загремела музыка, замигало освещение, туда-сюда стали ездить гигантские шторы на гардинах. На экранах, размещенных по стенам, началась какая-то какофония. Павел продолжил нажимать кнопки, но не перестал следить за Залом. Впереди всех оказалась Анна, она и ещё трое смельчаков бросились прямо на него. Павел нажал гашетку парализатора, но убрал палец, когда ствол был направлен на Анну. Её спутники упали на пол, но она прыгнула, Павел успел пригнуться, и девушка пролетела над его головой, ударилась об какую-то мебель и ненадолго запуталась в тряпке, похожей на мантию Куратора. Видимо Куратор сбросил верхнюю одежду, чтобы не мешала при побеге. Все комиссары толпой кинулись на Павла. Ничего не оста-

валось, как надолго нажать на гашетку. Комиссары стали падать рядами, друг на друга. Времени оглядываться нет, по тени Павел понял, Анна за его спиной встает, и сейчас бросится. Но он не успел оглянуться для отражения удара. Пол под ним пропал и Павел провалился вниз. Как только в полу исчезла его голова, незаметные бесшумные механизмы закрыли люк над его головой. Павел успел увидеть обезумевшее от ярости лицо Анны и её крик:

– Убью!

Упал Павел по кошачьи, на четыре конечности. Машинально стал снимать с себя неудобный парадный мундир. В голове созрел план. Ему нужно добиться справедливости, получить помилование. Но сейчас это невозможно. В здании объявлена тревога, стрелять будут даже по мухе, потому что она, летая, может пересечь запретную линию на полу. Прямо сейчас ему необходимо покинуть здание Совета. Но потом он вернется, сам.

Павел рванул по одному из коридоров. Про себя отметил. Здесь не видно охраны. Эти ходы, наверняка секретные, настолько секретные, что о них не должна знать рядовая охрана. Значит тут должны быть выходы наружу. Наверняка ходы интегрированы с канализацией. Так проще. И Павел принял решение, бежать надо вниз, на нижние ярусы. Выход в канализацию если и есть, то там. Брезгливости он не ощутил. Во время облав на службе он нередко бывал в подобных местах, и хорошо в них ориентировался.

Заметив сплетения труб он нырнул под них. Павел не ошибся. Тайные ходы Совета действительно связаны с подземными коммуникациями. Значит там, за этим сплетением, должен быть ход ниже, а ещё ниже, главная подземная «магистраль», она идет ровно как луч через весь город, и проходит совсем рядом с Советом. Вот только передвигаться придется по трубе, наполовину забитой фекалиями. Но это сейчас не самое страшное. Павел бежал, где надо, он падал на пол и начинал ползти. В узких местах приходилось извиваться как змее. Он услышал гул жидкости. Вот она – труба, магистраль. Приготовился к позывам рвоты от запахов, но кажется повезло. Сантехники начали процедуру промывки, и труба заполнена водой. Она вонючая, вся в пятнах. Но это лучше чем нырять в отходы человеческих организмов. Па-

вел поплыл. Наконец он увидел нужные метки на стене. Эту часть подземного мира он знает наизусть. Он бывал здесь так часто, что может ходить тут с закрытыми глазами. Павел нырнул в один из коридоров. Остановился у трубы с краном. Тут должна идти чистая вода. Павел повернул кран – не ошибся. Вода пошла. Павел с яростью стал отмываться, соображая на ходу. На нем форменная белая рубашка, белые сапоги и белые брюки от дурацкого парадного мундира. Надо срочно от всего этого избавиться. Что дальше? Комиссары в здании Совета не дураки. Они наверняка пришли в себя после его дерзкого побега, наверняка уже составили план и наверняка этот план уже реализуется. Он поступил бы также и искал бы преступника яростно. Ещё бы! Он посмел обезвредить несколько десятков чрезвычайных комиссаров прямо в Зале Куратора! На его поимку будут брошены, уже брошены, все самые лучшие силы.

Убегая, Павел вел себя логично, он бежал так, как мог убегать. Значит, где-то впереди его уже ждет засада, а к этому месту, и в другие места, где он мог бы ещё остановиться на передышку, уже идут группы захвата и одна будет здесь с минуту на минуту. Умываясь, он пролил много воды и оставил следы. Это, конечно, будет замечено. Будет зафиксировано его место пребывания и все вокруг будет оцеплено. Надо действовать нелогично – возвращаться назад. Нет. Одернул себя Павел. Его преследуют бывшие коллеги, чрезвычайные комиссары. Они предугадают его действия и подгото-

вятся. Уже подготовились. Спасение сейчас только в непредсказуемости. А чего чрезвычайные комиссары точно не ожидают от такого же чрезвычайного комиссара – так это нападения. Нужно идти напролом – решил Павел. оружие есть, сжал в руках парализатор, заряда хватит для скоротечного боя. Больше и не надо. Главное прорваться. И прорыв надо осуществить там, где его не будут ждать. Точно ни на одном из рынков. Бежать надо в гетто нищеты. Павел прогнал из головы мысли о том, что его, бывшего чрезвычайного комиссара, может там ожидать. Сейчас главное оторваться от погони.

Мозг нарисовал схемы маршрутов. Немного подумав, Павел пошел вперед, стараясь не шуметь. При малейшем звуке Павел, стараясь не останавливаться, прислушивался. Засада должна быть – это стопроцентно. Павел усмехнулся. А где бы он сам поставил оцепление, если бы сейчас занимался поимкой беглого комиссара. Долго думать не пришлось. Конечно, он бы поставил там, где бежать труднее всего. Пожал плечами. Значит он пойдет по самому легкому маршруту. Павел перешел на легкий бег. Нужно передвигаться быстро. Оцепление хоть наверняка уже выставлено, но за это время преследователи не могли набрать достаточное количество людей. и сейчас к этому месту стягиваются ресурсы. Снимаются люди со всех постов, по тревоге поднимают отдыхающих от дежурства жандармов – эти ребята для него сейчас самые страшные.

Анна потеряла виски, пытаясь казаться усталой, чтобы никто не смог заметить её смятение. Павел всегда нравился ей, она ему тоже. Они всегда были друзьями, знакомы чуть ли не с яслей. И тут такое! Как же он её подставил, когда не стал наносить удар парализатором! Конечно же все решили, что они сообщники. И сразу после завершения операции её начнут допрашивать. Запросто могут лишить должности, и тогда она станет никем. Её лишат всех привилегий, и прямая дорога останется только пополнить ряды нищеты в гетто, которые она недавно курировала. Вот же урод! Анна ожесточилась, сжала кулаки. Она многое бы ещё могла понять, но то что Павел ещё и насильник! Впрочем, власть развращает. Она сама не раз уже сталкивалась с соблазнами, но с помощью силы воли преодолевала себя.

Сейчас он бежит где-то недалеко отсюда. Анна попыталась представить себя на его месте, куда бы она сама побежала? Каким бы моральным уродом он не был, никто не станет отрицать, что комиссаром Павел был одним из лучших. Он побежит там, где его никто не будет ждать – конечно он побежит по самому легкому маршруту. Так бы побежал какой-нибудь глупый уголовник. Он наверняка предугадал – посты выставлены по самым тяжелым, труднодоступным путям. Девушка нажала на тангенту связи:

– Незабудка Первому.

Связь захрипела эфиром. Что-то щелкнуло, произошло переключение с общего эфира на связь с руководителем операции. Раздался ответ:

– На связи Первый.

– Предлагаю добавить людей на пост номер семь – сказала Анна.

Эфир снова захрипел. Раздался рассерженный голос:

– Занимайся своим постом, и не отвлекай людей, Незабудка! Поняла!?

Немного помолчав, она с обидой в голосе ответила:

– Принято.

Связь переключилась на общий эфир. Анна посмотрела на своих жандармов. Не только на своих. Анне в команду добавили жандармов Павла. Можно ли им верить? Мотнула головой. Им можно верить настолько же, насколько и ей. После поимки Павла, их ждет тоже, что и её. Но их-то могут просто перевести в солдаты, работы они не лишатся. А вот ей придется сложнее. Анна вспомнила, как зовут одного из жандармов Павла, позвала:

– Крест.

– Я – откликнулся жандарм.

– Вы ведь все время были с Павлом, разве вы ничего не замечали? – спросила девушка.

Крест ответил сразу, не обдумывая.

– После каждого дежурства мы каждый сдавали отчет. Ни-

чего не было. Но у каждого из нас есть личное время.

Анна прикусила губу. Да, каждый после дежурства сдает отчет, отчеты сверяются, если находят хотя бы небольшое несовпадение, начинается расследование. Павел мог использовать личное время. Не только его. Во время дежурства чрезвычайный комиссар всегда может уединиться, заставив жандармов удалиться. И во время этого самого уединения с ним может быть кто угодно. Обычно это преступник, с которым проводится допрос. Часто комиссар уединяется со связным от осведомителей. Никто не контролирует, и комиссар может уединиться, к примеру, с маленькой беззащитной девочкой. Анна вздрогнула, она не ожидала от Павла такого.

Эфир затрещал выстрелами и криками, почти сразу раздалась крики, требующие помощи. Анна снова вздрогнула. Как она и ожидала, Павел пошел на прорыв там, где его никто не ждал.

Павел замер. Пост впереди. Одни жандармы, без комиссара. Ведут ребята себя, мягко говоря, беспечно. Болтают, травят анекдоты. Всего пять человек. Павла они здесь не ждут. Но чтобы приблизиться к ним на расстояние выстрела, нужно преодолеть открытый отлично простреливаемый каналлизационный коридор. Павел задумался, как быть? Просто атаковать в лоб? Его сразу нашьпигуют. Пытаться тихонько идти, пока его не заметят? Жандармы иногда в коридор поглядывают. Придется действовать в наглую.

Павел поднял одну руку вверх, и тихонько, стараясь не шуметь, пошел вперед. Сердце застучало в висках, во рту пересохло от страха и волнения. Шаг, ещё шаг. Жандармы его совсем не замечают. Павел ускорил бесшумный шаг. Наконец-то один из жандармов взглянул в его сторону и от неожиданности хотел вскрикнуть, но Павел его опередил и сам закричал, продолжая двигаться вперед.

– Отбой! Он задержан – Павел решил сделать ставку на безынициативности жандармов и на свое в данном случае безрассудное поведение. Кажется сработало. Жандармы не стали стрелять сразу, а Павел продолжал приближаться. Шаг, ещё шаг, все ближе и ближе.

Один из жандармов наконец-то крикнул:

– Стоять!

Павел кивнул, но до нужного места он уже дошел. Выстрел парализатором прошел веерно. Сразу три жандарма мешками упали на пол. Двое укрылись, но высунуться для ответного выстрела не могли, Павел прижал их огнем. Пришлось перейти на скорый бег. У жандармов есть гранаты. Вот из-за укрытия показалась рука и что-то бросила. Но граната перелетела Павла и грохнула где-то позади, не причинив ему вреда. Сразу после взрыва один из жандармов высунул голову, и упал от выстрела Павла. Все, Павел продолжал жать гашетку, но оружие разряжено. Остался всего один противник. Павел взял парализатор как дубину и ринулся вперед. Как в каком-то сне он услышал крики уцелевшего врага:

– Седьмой пост! Он здесь! Подмога! Нужна подмога!

Сроч...

Павел не дал ему договорить. Со всей силы нанес удар разряженным бластером по каске жандарма. Бластер разлетелся на куски. Павел замер, сердце екнуло. Жандарм не шевелится и смотрит прямо на него. Кажется, его дубовой голове удар бластером был нипочем. Оружия нет. Павел со всей силы, используя корпус, нанес жандарму коленом удар в лицо. В колене что-то хрустнуло, Павел вскрикнул от боли. Жандарм наконец-то стал заваливаться набок. Кажется, удар бластером все же сделал своё дело – вырубил противника. Он не стал падать из-за своего сидячего положения. Павел только зря колено отбил от дубовую жандармскую башку. Покосился на рацию. Динамики шумят, отдаются приказ за прика-

зом. Нужно бежать, времени осталось совсем чуть-чуть! Павел сунул руку в нагрудный карман одного из жандармов и вырвал оттуда мини-рацию. Из кобуры этого жандарма вытащил пистолет, схватил его вещевой мешок и побежал. На ходу раскрыл вещмешок. Запас боеприпасов к пистолету – себе, аптечка – себе, мясные батончики – себе, складной ножик – себе, фото какой-то девушки – обратно в мешок... наличные деньги – откуда они у жандарма?! Но некогда думать, Павел засунул пачки денег себе в карманы. Вот нужный люк, выход наверх. Здесь, если не изменяет память, а она не должна, выход в то что можно назвать парком. Пустырь, давно заросший кустами. Когда-то тут были бараки, но во время одной из операций барки были сожжены и остался пустырь. А канализация внизу осталась. Павел с усилием приподнял канализационный люк, никого нет. Наконец-то вырвался из канализации и хромая из-за ушибленного колена побежал в сторону заброшенных зданий. Впереди по коридору было несколько таких же люков, с выходами в подходящих местах, так что преследователи потеряют некоторое время на поиски места, где он вышел.

Однако надо заняться собой. Он в белой форменной рубашке, в белых брюках и в дурацких сапогах такого же цвета. На бегу стал срывать с себя рубашку и начал искать глазами что-нибудь подходящее. Вот, куча отходов и тряпки. Подскочил к куче. Одна тряпка достаточно большая, потянул за край, наверное, это когда-то было шторой. Используя

так кстати найденный недавно у поверженного жандарма ножик, соорудил себе из тряпки что-то похожее на тунику. Достал из аптечки моментальный скотч, стал полосовать остатки тряпки и наматывать на ноги, обклеил ноги в нужных местах скотчем, получились неплохие брюки. Как быть с обувью? Недолго думая, скинул сапоги, снял носки, тоже белого цвета. Запихал свою бывшую одежду в ржавую банку, валяющуюся в этой же куче мусора, закидал все сверху мелкими отходами. Осмотрел себя. В целом, неплохо. Нищая рвань ходит именно так, почти так. Те кто не может позволить купить себе одежду. Покосился на босые ступни. Придется потерпеть, и побегать босым. Чертыхнулся. Его ступни слишком чистые, ноги аккуратно подстрижены, кожа на нижних частях ступней слишком ухоженная. Залез ногами в ближайшую лужу, пытаюсь сделать так, чтобы ил со дна облепил ноги как можно плотнее. А лицо? Волосы? Все это слишком чистое. Сел на корточки, зачерпнул ладонями грязный воющий ил с лужи и густо обмазал всю голову. Обтерся своей же новой «одеждой» и быстрым шагом пошел в сторону обитаемых жилых районов. Приближаясь к месту людей, постепенно сбавил шаг, смешавшись наконец-то с прохожими на улице, пошел обычной человеческой скоростью, не спеша. В отражении разбитого зеркала, вывешенного на одной из дверей заметил свое лицо. Остановился. Нет, так не пойдет. Выражение лица у него такое, как у комиссара – холодное, беспристрастное. А должно быть живым. Стал корчить гримасы

у осколков зеркала, пытаюсь, чтобы на лице стали видны эмоции. Но естественно и легко получилось изобразить только испуг. Нет – это не то. Испуг в лице прохожего для любого жандарма, комиссара и осведомителя – это улика. Ему нужно лицо кого-нибудь из местных. Напряг память, в памяти всплыл бандит Серкин – главарь одной из мощных криминальных группировок. Павел с ним сталкивался несколько раз, но не брал. Серкин сам бандит, но он постоянно воюет с другими бандитами, тем самым уменьшая их количество. Когда-нибудь Серкина грохнут свои же. Выражение лица у Серкина постоянно наглое, такое, будто он что-то знает, чего не знают другие. И немного насмешливое. Форма головы и лица у Павла и Серкина одинаковые. Немного поработав с мускулатурой лица, Павлу удалось добиться мимики, с которой в Зале Куратора его сочли бы идиотом. А здесь с таким лицом он свой.

Не спеша пошел дальше. У него есть деньги. Надо пока залечь где-нибудь до утра, отлежаться. Завтра надо будет купить одежду и обувь. Совсем нищим маскироваться не стоит, слишком эти люди беззащитны перед всеми остальными. Его будут искать, конечно, по подвалам и чердакам, перекроют все выходы из города. Пусть ищут, пусть перекрывают. Павел направился к трактиру. Он никогда здесь не был, но постоянно штудирова оперативные сводки отлично знает – хозяин трактира подозревается в нелегальной сдаче мест для ночлежки. Тут он отоспится и решит, как быть дальше.

Анна ссутулилась, сидя низко опустила голову. Пригладила белые короткие волосы на голове. Случилось то, чего она никак не ожидала – Павел прорвался, его нигде не могут найти. Может он уже покинул город – наверняка так и сделал. А может, залег где-то на дно. Его сейчас точно никто не обнаружит. И ещё, случилось то, чего она ожидала и так боялась. Павла хоть и упустили, но разбирательство началось. Из-за дверей, у которых она сидела, раздались истошные крики боли. Анна невольно сжалась. Сейчас допрашивают одного из жандармов, который упустил Павла в канализации. Всех пятерых приговорили к разжалованию в солдаты. Их комиссара лишили должности и парализовали за преступную халатность. Он не успел забрать у жандарма наличные деньги, конфискованные во время рейда, и теперь они у Павла. А вместе с деньгами, тем более с наличными, Павлу открыты все ходы.

Разжалованы ещё несколько комиссаров. Анна боязливо дернула худыми плечами. Ещё бы их не разжаловали! Они курировали тот самый рынок, на котором Павел дежурил в последний раз. Анну, как и всех остальных, уже поставили в известность о происшествии. Оказывается, Павел бывал на этом рынке в свое личное время, используя свое положение, превышал все возможные полномочия. С головой погряз в

разврате. В последний раз, уже во время своего дежурства, он изнасиловал и убил проститутку. Связь комиссара с проституткой – это уже тяжкое преступление. Не говоря уже обо всем остальном. Его пытался урезонить уполномоченный Рол Строваноч, взрослый, уличный ставленник Куратора. И видимо Рол узнал что-то такое, из-за чего Павел его жестоко заморозил, с сохранением чувств. Что именно узнал Рол? – уже никто не узнает. Рол сейчас в состоянии овоща. Все жандармы Павла, участвующие в притоне в заморозке Рола, уже сами заморожены. Остальная часть его команды пока ждут приговора. И Анна ждет...

– Анна Шишикина – раздался голос в динамике громкой связи.

Пора, девушка выдохнула, выпрямилась, поправила парадную форму и вошла в кабинет на допрос. Невольно подумала – жить, имея возможность нормально двигаться, ей осталось минут пять или десять, не больше.

В кабинете Анна оглянулась и выпрямилась по стойке «смирно». Допрос проводят взрослые, трое. Один в серой мантии, двое в серых кителях. Спецотдел, если верить слухам, в детстве они служили чрезвычайными комиссарами. Очень немногие повзрослевшие подростки могут занять этот пост.

– Анна Шишикина? – уточнил взрослый в мантии, сидящий во главе стола.

– Да – ответила Анна.

– Вы дружили с Павлом? – строго спросил тот же взрослый.

– Да – повторила Анна.

– Откуда ты знала, что он будет прорываться через пост номер семь?

Анна приподняла подбородок:

– Я представила, куда бы сама побежала, будь я на его месте.

Взрослые нахмурились. Одетый в мантию спросил:

– Не слишком ли это странно? Чрезвычайный комиссар думает, куда бы он побежал?

Анна постаралась придать своему худому, детскому лицу максимально холодное выражение:

– Работая с преступниками, нам приходится предугадывать их действия, ставить себя на их место. Павел – преступник, но он бывший, стыдно сказать, чрезвычайный комиссар. Не простой уголовник. У него подготовка и он знает все схемы нашей работы. Поэтому я и сделала вывод, Павел будет проходить там, где его не ждали – договорив, Анна ещё сильнее вытянулась. А внутри сжалась от страха. До приговора к параличу осталось меньше минуты.

Взрослые переглянулись. Одетый в мантию встал. Сейчас огласит – Анна часто заморгала, не смогла сдержаться.

– Анна, ты отлично знаешь Павла. Знаешь его повадки, привычки, сильные и слабые места. Ты... – одетый в мантию сделал паузу.

Сейчас скажет: «Приговариваешься к параличу» – подумала Анна и её качнуло. Она внезапно ясно поняла чувства Павла тогда, в Зале Куратора. Но он-то виновный, и стал сопротивляться. А она невиновна ни в чем, и не может даже пошевелиться. Глупо это как-то.

Одетый в мантию завершил фразу?

– Ты назначаешься главой поисковой группы по поимке Павла Кралина. В свою группу можешь брать любого, кого считаешь нужным взять. Твоим Куратором по поиску буду я. Меня зовут Жод Марки. В своих действиях отчитываться будешь только передо мной и перед Законом – сурово посмотрел на девочку и спросил – Твои первые действия?

Анну снова качнуло. На этот раз от радости. Она будет жить! И ещё, её повысили! Руководители поисковых групп всегда взрослые. Подростки назначаются вершить закон, потому что только они некоторое время неиспорченные, не такие как взрослые. Она будет выполнять работу взрослых! Но надо отвечать на вопрос своего нового Куратора:

– Преступник сейчас залег на дно, затаился. Мы будем копошить нашу сеть осведомителей, проводить прочесывание – это ничего не даст. Павел знает всю нашу работу. Он же считался одним из лучших. Да, он преступник, мерзавец и подонок, но не дурак. Будем ловить не просто бандита, будем ловить комиссара... бывшего.

Анна выдохнула. Взрослые одобрительно переглянулись. Жод спросил, на этот раз нормальным голосом, без сурово-

сти в интонации:

– Что ты предлагаешь?

– Ждать – ответила Анна – Он сейчас на дне, в грязи. А он привык к порядку, к чистоте и ухоженности. Он или будет бежать из страны – надо взять под особый контроль все пункты пропусков и центры по подготовке документов. Или же он будет добиваться своей признания своей невиновности.

– Что? – удивлено спросил Жод.

– Невиновности – повторила Анна – В свои последние дежурства Павел часто практиковал процедуру вынесения оправдания. Я уверена – он изучил все тонкости помилования. И видимо не просто так, он догадывался, что когда-нибудь не сможет сдержаться. И вот... не сдержался.

– Ты думаешь, он будет копать под парализованную жертву, под Рола Строваноча? Будет делать так, чтобы оклеветать его?

– Так точно – ответила Анна – И именно здесь надо его ловить. Надо искать Павла там, где он будет копать. Надо проработать все окружение Рола.

Взрослые переглянулись. Жод посмотрел на Анну внимательно.

– Можете идти, Анна. Набирайте пока людей себе в команду. Я вас вызову.

– Есть! – ответила Анна, развернулась и вышла из кабинета.

Как только за ней закрылись двери, один из взрослых в сером кителе вскочил:

– Её надо устранить! Срочно!

– Думаешь? – спросил Жод.

– Ты слышал, что она сказала?! Будет копать под Рола.

Узнай она хоть немножко правды, все полетит к чертям. Мы и так с трудом зачистили всех свидетелей. Всех кроме этого проклятого Павла.

– Не беспокойся об этом – задумчиво произнес Жод – С окружением Рола буду якобы работать я. У неё подозрений не будет, скажу ей – работа уполномоченного связана с гостайной. Все что необходимо в поиске, я ей буду передавать, конечно, правды о Роле и тем более о Старшем Кураторе она не получит.

– Зачем? Это лишнее. Её надо устранить!

– А ты слышал, что она сказала?

– Слышал. Ну и что? – спросил взрослый в сером кителе.

Жод снова сделал удивленное лицо:

– Нам и так трудно сдерживать массовые волнения, а тут такое. Эта девка узнав правду, может посеять смуту среди комиссаров.

– Не посеет – уверенно заявил взрослый в сером кителе – Они же дети! Много они понимают? Фанатики, преданные делу и верящие в истину – взрослый криво улыбнулся – Они же хорошие дети, а хорошие дети верят хорошим дядям

– Верят, если знают что дяди хорошие – заметил Жод –

Эти дети слишком правильные. Поэтому их и стали назначать комиссарами. Именно детей, за их наивность и честность. Но с получением реальных знаний о реальной жизни они начинают взрослеть. Тогда их и приходится ликвидировать. Взять ту же Анну. Она ищейка. Она отлично знает Павла, предугадывает его действия. Дадим ей возможность Павла поймать. Если она узнает что-то – тогда и ликвидируем.

Взрослый в кителе хмуро кивнул. Посмотрел на другого, в таком же кителе и не сказавшем за все время ни слова. Тот просто пожал плечами.

– Ладно – взрослый в сером кителе махнул ладонью.

Павел оглядел себя в обломок зеркала. Неплохо. Отрасли волосы на голове. Он специально проводил некоторое время на солнце, чтобы получить грязный загар – получилось. Сейчас он стал похож на обычного обывателя планеты Вруга.

Немного поскитавшись после побега по помойкам, он обосновался в гетто нищеты. Снял себе эту лачугу в картонном многоквартирном доме. Обзавелся другой, более подходящей одеждой. Купил себе миниатюрный пистолет. Оружие в квартире он не стал прятать. Нашел нишу в коридоре возле двери. Убегая или куда-то уходя, он всегда сможет вооружиться на бегу. На рынках он ни разу не появлялся. Слишком опасно. Его там знает каждый. Впрочем, его и здесь знает каждый, но не узнает, слишком много сил Павел приложил для изменения своей внешности. В целом, если есть деньги, можно неплохо жить и в гетто. В этом Павел убедился на собственном опыте. Но деньги когда-нибудь закончатся – это он отлично понимает, а перспектив для получения доходов он не видит.

Первое время он постоянно ожидал тотальной облавы. Но вокруг стояла тишина. Никто ничего не прочесывал, нет плакатов с его портретом на стенах, нет сообщений в СМИ. Но комиссары и тем более кураторы никак не могли спустить все на тормозах. Значит, кураторы затаились, ждут. Обозна-

чили для себе точки, где Павел может объявиться, и ожидают. По какой-то причине они не хотят огласки. Впрочем, причину такой тишины Павел понял. Чрезвычайных комиссаров, совершивших преступление, всегда устраняют тайно. Дети-подростки, служащие Закону, для толпы должны оставаться чистыми, непорочными. Никто не знает, что становится с комиссарами, когда они взрослеют. Самые достойные, наверное, становятся кураторами. Но в последнее время Павел стал сильно в этом сомневаться.

Павел выполнил комплекс гимнастических упражнений. Нужно содержать свой организм в порядке, поддерживать тонус. При этом продолжил размышлять. Итак. Комиссары выделили для себя точки, где он должен объявиться. Рынки – само собой, но рынки – это целые города со множеством ярусов. Кто-кто, а Павел на рынках знает все и всех, кто собой хоть что-нибудь представляет. На рынках, скорее всего, просто предупредили тех, с кем Павел может связаться. Наверняка проработали его агентурную сеть. Он усмехнулся, выполняя упражнение по растяжке, есть агенты, с которыми он работал лично и про которых никто не знает. Поймать его на рынке – будет сложно. Тем более время идет, на рынках постоянно что-то происходит, и о бывшем комиссаре там уже наверняка стали забывать. Но это не значит, что Павлу не следует соблюдать там осторожность.

Он проработал серию ударов ногами и руками в воздухе. Попытался представить, где бы он сам ловил сам се-

бя? Хмыкнул. Те, кто его знают, наверняка решат, что Павел приложит силы, чтобы восстановить своё имя, вернуть своё положение. Глубоко вздохнул, выдохнул, и начал делать упражнения на восстановление дыхания. Наверняка они плотно поработали с Анной, ведь она наиболее тесно с ним общалась. И, в общем-то, они правы. Он не собирается прозябать в гетто и прятаться всю жизнь. Его все равно когда-нибудь вычислят. Но он не может просто так туда прийти и заявить, что невиновен. Ему нужно нечто, что заставит их его слушать, нужно что-то, чтобы они приняли его в расчет. Ему нужна сила, с которой они будут считаться. Самый простой путь восстановления своего имени – это доказательство своей невиновности. Сбор доказательств, что настоящий преступник – это приговоренный Павлом Рол Стрваноч. Наверняка именно это главная точка, на которой Павла караулят. Но у него нет другого выбора. Если он хочет восстановления, даже не восстановления, а прекращения преследования, ему придется работать в этом направлении. А раз его там ждут, ему необходимо действовать чужими руками. Ему необходимо набрать команду. Ещё немного подумав, Павел кивнул сам себе, посмотрев в обломок зеркала, и вышел на улицу. Ему нужна команда, которая в его нынешнем положении заменит ему жандармов и осведомителей. Ему нужны боевики и люди, имеющие доступ к информации. Начать следует с простого.

Павел, оглядевшись на улице, направился к пустырю, ко-

торый превратили в нечто среднее между стадионом и спортивной площадкой. Подходя к нужному месту начал распалать себя, накачивать себя уверенностью и наглостью. Эти свойства ему понадобятся. Подходя к месту, стал разглядывать присутствующих. Нужно вычислить главных. На этом пустыре постоянно в свободное время обитает местная подростковая банда. Ничего особо серьезного. Мелкие кражи. В основном их времяпровождение – наведение кошмара на слабых взрослых и на сверстников. Павел зашел на пустырь и оглядел всех присутствующих. Шестеро подростков занимаются борьбой, трое на трое. Остальные активно болеют. Павел покосился на кучу барахла возле борющихся – это, скорее всего ставки. На пустыре стоит шум от криков и отборного мата. Как только появился Павел, все удивлено затихли и уставились на наглого чужака. Только борющиеся продолжили напряженно сопеть, но и они прекратили борьбу через несколько минут после его прихода.

– Это что за чучело? – ни к кому конкретно не обращаясь громко произнес самый мелкий участник банды.

Павел на него даже не посмотрел. Сразу понял, кто это и какова роль мелкого в банде. Это шнырь. Такие вертятся возле вожаков, выполняют их мелкие поручения. Пользуясь близостью к вожакам задирают остальных, Первыми начинают конфликты, но сразу теряются, когда начинается серьезное дело. Павел присел на свободную лавку и сказал:

– Здравствуйте.

Банда переглянулась. Вожак молчит, а они не знают, что им делать. Снова подал голос мелкий.

– Вали отсюда, дрищ. Тебя не звали.

Павел на него снова даже не посмотрел. Просто сказал спокойным нейтральным голосом:

– И снова здравствуйте. Я ведь не ошибся. Вы же нормальные пацаны, верно?

Малолетние преступники переглянулись. Вожак все ещё молчит, не выдает себя. Снова подал голос мелкий:

– Ты ещё сомневаться вздумал?! Ты ничего не попутал?

Павел на этот раз взглянул в сторону шныря. Встал с места и направился к мелкому.

– Ты сам-то ничего не попутал? Ты всегда так с незнакомыми общаешься!

Мелкий, не дождавшись поддержки от вожака, на шаг отступил. Павел близко тоже подходить не стал. Сейчас должен сказать свое слово главный. Так и случилось.

– Шнырь, осадил – тихо сказал жилистый парень с взлохмаченными русыми волосами.

Павел про себя улыбнулся. Он сам мысленно только что назвал мелкого шнырем. В таких бандах особо фантазий не проявляют. Клички дают лаконичные и кратко описывающие носителя.

Жилистый задумчиво посмотрел на Павла. В его взгляде Павел заметил вдумчивость. Значит, свое положение он добился не просто физической силой. Среди присутствующих

есть настоящие шкафчики, мускулистые амбалы, но они наверняка хоть и на привилегированном, но подчиненном положении.

– Ты с какого района? – спросил жилистый.

– С Ботанки – Павел ответил сразу. Свою легенду он разработал давно. Ботанка – гетто с другого конца города.

– Кого там знаешь? – снова спросил жилистый.

– Чистяка – ответил Павел.

Чистяк – тоже главарь банды с того района, откуда Павел якобы сюда прибыл. Та банда уже не была подростковой. В ней состояли двадцатилетние, но и подростков там было немало. Не так давно Чистяка со всей бандой взрослых парализовали во время облавы на одном из рынков. Оставшаяся часть банды разогнали. Павел руководил той операцией. Но приговоры тогда выносил не он, приговоры выносил другой комиссар. Павел не зря назвал именно Чистяка. По оперативным данным, он обладал уважением даже среди соседних районов, особенно среди подростков. Имел многочисленную банду, но никто теперь не сможет подтвердить, что Павел имел с ним какие-то дела. Всю верхушку той банды ликвидировали.

Жилистый посмотрел на остальных. Снова на Павла.

– Чистяка много кто знает. А он тебя знает?

– Чистяк уже никого никогда не узнает – ответил Павел –

А меня он знал нормально. Мы с ним перед его последней облавой общались, и хорошо говорили. После того как его

– Павел провел пальцем у горла – Мне пришлось валить с Ботаники. Вот, у вас обосновался.

– А к нам зачем подошел?

– Мне нормальные пацаны нужны. не буду же я один шмандавохаться.

– А чем докажешь, что с Чистком знался?

– Чем хочешь, тем и докажу.

Жилистый оглядел свою банду. Улыбнулся своей мысли.

– Вот завалишь Дока, поверю.

Тот, кого жилистый назвал Доком, вышел вперед. Самый крупный шкаф в этой банде.

– Ладно – Павел кивнул, и пошел не оглядываясь к тому месту, где недавно была борьба. Оглянулся – Ставки-то будете делать?

Подростки зашумели. Павел не придал виду, но с интересом на них смотрел. Как же они непохожи на комиссаров. Такие примитивные. И в то же время свободные. Легко выражают свои мысли. Немного удивился. Сразу он не придал значения, но в банде были девочки. А может и не в банде. Просто подружки малолетних бандитов. Одна из них с интересом смотрит прямо на него. Павел смутился. Среди комиссаров так прямо смотреть друг на друга не принято, если только они не друзья. Не смог удержаться и посмотрел на девчонку в ответ. Цвет волос непонятный, не блондинка и не брюнетка. Может бать шатенка, а может быть просто волосы грязные. В нищих гетто особо внимания на свой внеш-

ний вид не обращают. Глаза большие, серые, под глазами тени. Лицо, как и фигура, худое, угловатое. Выражение лица смешливое, но какое-то замученное, словно после тяжелой болезни или горя. Павел отвел взгляд от девчонки. Все ставки приняты и здоровый док идет прямо на него. Павел сразу оценил и его и свои силы. Док может свалить Павла одним ударом. Но наступает вообще идет не прикрываясь. Так что бой может быть очень коротким. Но Павел никак не может выдать свою подготовку. Пусть даже эта детвора ничего не поймет, но может что-нибудь заподозрить. Поэтому придется бой растянуть. Это будет сложно.

Док замахнулся. Павел мог бы его завалить одним точным ударом, пока тот ещё только начал размах, но только поставил блок. Удар оказался мощным, Павла отбросило, он не удержался на ногах и упал. Все-таки он немного силы Дока недооценил. Таким ударом можно стены прошибать. Про себя Павел оценил уровень авторитета жилистого в банде. Раз такие бычки как Док признают жилистого своим вожаком, значит жилистый действительно имеет некую харизму.

Павел специально кинулся на Дока так, чтобы тот больше не наносил прямых ударов, они оба упали на землю. Павел специально «отдал» Доку руку, чтобы тот её заламывал в борьбе. Павел принял такое положение тела, чтобы в любой момент мог свою руку вырвать. Док схватил руку соперника и начал выворачивать. Павел поневоле чуть ли не взвыл и чуть ли не нанес свободной рукой Доку удар по глазам. Во-

время себя сдержал. Но и терпеть уже нет сил. Рука захрустела. Ещё немного, и Док вырвет её из суставов. Вывернув тело, Павел повернул свою захваченную руку, локтем свободной руки нанес несильный, но точный удар по горлу Дока. Тот захрипел. Павел вырвал захваченную руку, вылез из-под Дока и встал на ноги. Док, держась за горло, тоже начал подниматься. Павел нанес противнику мощный удар ладонью по уху. Даже у Павла в ушах звонко хлопнуло. А Доку удар по уху наверняка показался взрывом в голове. Его контузило. Схватившись за ударенное место, Док с шумом упал. Павел с вызовом в глазах посмотрел на удивленного жилистого. Не удержался, скосил глаза и посмотрел на ту глазастую девчонку. Заметил – она смотрит на него с восхищением. Павел итак разгорячился от драки, а от её взгляда покраснел ещё больше. Отвел от неё глаза и снова посмотрел на жилистого.

– Ну как?

Жилистый театрально два раза хлопнул в ладоши:

– Верю-верю. Кто попало с Чистяком не общаются.

Павел не поддал виду, но про себя подумал: – Говоришь так, словно сам лично с Чистяком хоть когда-то встречался.

Вслух сказал:

– Вот именно. Ну что, возьмете меня к себе? – и посмотрел на мелкого Шныря. Тот уставился на Павла с некоторым страхом. Наверняка уже рассчитывает как ему быть в новой иерархии банды, если в неё вступил Павел.

Жилистый посмотрел на своих.

– Берем, конечно – голос раздался оттуда, откуда Павел не ждал. Голос девичий. Он посмотрел в сторону звука. Это сказала та глазастая с грязными волосами.

Жилистый словно смутился, не зная как быть. Но Павел дотошно изучал учебники по зоопсихологии и психологии поведения подростков, среди подростков и среди молодых зверят в поведении отличий мало.

– С меня поляна – заявил Павел и достал из кармана тоненькую пачку денег. Маленькую часть тех денег, что забрал у жандарма во время побега. Для местных это целое богатство. Для подростков возможность купить что-то, что сделает вечер веселым.

Банда одобрительно взвыла. Жилистый облегчено вздохнул и кивнул. Ему не пришлось брать на себя ответственность за всех. Получилось так, что это банда сама Павла приняла. Если что, он потом каждому сможет за это предъявить.

10

Анне все сложнее стало сдавать отчеты своему куратору Жоду Марки. Внешне, кажется, ничего не меняется.

– Ну что? – каждый раз спрашивает Жод.

После вопроса Анна делает устный доклад, сообщает итоги, про Павла ничего не известно. Жод кивает и отправляет работать дальше. Сложилось такое впечатление, что с каждым разом это «Ну что?» от куратора становится все строже и требовательнее. Ведь про Павла не удалось узнать вообще ничего. Он нигде не появляется, никак не проявляет активность. Полная тишина по всем каналам. А он где-то есть. Павел не может сидеть просто так где-то в норке. Хотя... За время спаррингов с ним девочка не раз удивлялась, как Павел способен так долго выжидать нужного ему момента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.